

NAD TEKSTAMI JANA PAWŁA II – PAPIEŻA SŁOWIANINA

ROCZNIKI HUMANISTYCZNE
Tom XLIV, zeszyt 7 – 1996

JELENA SUDARIEWA
Moskwa – Rosja

ПРИЗЫВАЮЩИЕ ТИШИНУ (ОБРАЗНЫЕ СБЛИЖЕНИЯ В ПОЭЗИИ ПАПЫ РИМСКОГО ИОАННА ПАВЛА II – КАРОЛЯ ВОЙТЫЛЫ И АРХИЕПИСКОПА ИОАННА САН-ФРАНЦИССКОГО - ШАХОВСКОГО)

„... и несмелой походкой шагая, -
глубину в тишине постигаешь”.
Кароль Войтыла¹

„Мне близок всякий образ тишины”.
Странник²

Удивительные вещи происходят на земле. Живут два поэта, два духовных певца в разных странах, говорят, пишут, творят на разных языках, служат в разных христианских храмах (один – католик, другой – православный), а вот жаждать, алкать их душа начинает одного и того же – тишины... Тишины?... Но почему тишины?

Тишина... тишь... безмолвие... немота... Почему рождаются эти образы без-звучия, без-голосья, бес-словесности у духовного поэта, творца, одаренного словом, звуком, звучанием как высшим даром, как высшим счастьем само-раскрытия, само-рас-творения?

Быть религиозным художником – особая ипостась. Принеся в своем сердце священные обеты, он как бы уже прокалился священ-

¹ К. В о й т ы л а, *Берега, полные тишины*, перевод Елены Твердисловой в ее книге *Папа Римский Иоанн Павел II. Литературный портрет*. Москва, ACADEMIA 1995, с. 82.

² Архиепископ Иоанн С а н - Ф р а н ц и с с к и й (Ш а х о в с к о й), стихотворение *Нерасслышанная весна* из сборника *Удивительная земля. Избранное*, Петрозаводск, издательство „Святой остров”, 1992, с. 550.

ным огнем, огнем Любви, сжигающей бrenное земное человеческое сердце, Любви ко Христу, к Богу, ко всему Божьему миру. В огне этой Любви рождается лирика обета – обетованная лирика.

И всплывает в сознании один и тот же образ Святого отца: чело, склоненное к Распятию, рука, как бы удерживающая Его у лба. И этот жест обремененного и нашедшего опору в своем тяжком земном бремени, склоненного в выстраданной и непоколебимой надежде, стоит перед внутренним взором как символ всей поэзии, обетованной Христу, поэзии обетования.

Есть удивительное совпадение-сближение в творчестве двух духовных поэтов Иоанна Павла II (Кароля Войтылы) и Иоанна Сан-Францисского (Шаховского): оба они целые стихотворные циклы посвящают т и ш и н е. Кароль Войтыла (р. 1920) в 1940-ые годы пишет цикл *Берега, полные тишины*, который составною частью входит в „макроцикл” *Песнь о Боге Укрытом*:

Дальние берега тишины начинаются тут, за порогом.
Их не достичь, даже если птицею быть.
Будешь стоять и глядеть пристальным оком
пока не поймешь, что душа твоя – на дне...

Ты слегка отступаешь пред Кем-то, пришедшим оттуда,
тихо комнатки дверь за собой затворив,
и, несмелой походкой шагая, -
глубину в тишине постигаешь. (с. 82)³

Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (1902-1989) создает поэтический сборник *Избрание тишины* (псевдоним – „Странник”, Калифорния, 1971), который открывается стихотворением с одноименным названием:

„Может быть, мне подобает сметь
И другую тишину иметь.
Но такая у меня одна
Бедная, земная тишина.
Ею ничего не объяснишь,
Это самая простая тишь.
И она всегда идет со мной,

³ Перевод Е. Твердисловой, там же.

В бедной неумелости земной.
Знаю мрак священной тишины,
Где лампы неба зажжены.
Знаю и молчание ума
Что приводит в мир Любовь сама.
Но храню я у себя одну
Бедную земную тишину". (с. 5).

Чувство глубокого внутреннего смирения приводит обоих поэтов в лоно тишины. С сосредоточенной робостью движется лирический герой Кароля Войтылы навстречу глубине, тайне, миру незримому, навстречу собственной душе. И проводник в этом дальнем странствии в глубь собственной души – тишина, та тишина, одновременно бесконечно близкая и такая недостижимая, тишина, ожидающая тебя уже за порогом, ожидающая тебя в твоей собственной „келье”. Смирненно принимает поэт самую первую, самую близкую реальность, окружающую человека, как путь в бесконечность, в область безграничных духовных глубин, путь, ведущий к Богу.

Две разные тишины встречаются в стихотворении Шаховского. Одна – „бедная, земная”, простая. Другая – „священная”. И поэт, познавший уже „мрак” священной, смиренно избирает для себя „самую простую тишь”. Если в стихотворении Кароля Войтылы тишина ведет человека в глубь души, и путь вглубь чудесным образом превращается в дорогу вверх, к небесным высям, то в стихотворении Шаховского поэт избирает себе в спутники „в бедной неумелости земной” – „бедную, земную тишину”, как бы не смея в своем преклонении, склоненный под тяжестью жизненной земной ноши на бедной возлюбленной земле, поднять свой взор ввысь. Будто он, слышавший в священной тишине „горный ангелов полет”, как писал А. С. Пушкин в *Пророке*, в своем духовном самоумалении расплывается ниц, припадая ухом к земле, к ее бедной тишайшей тишине. Заметим, что в цикле Шаховского открытое избрание тишины, открытое ее призывание встречается не всегда – но она разлита как бы в каждой его строке – в тишайшем, смиреннейшем, любовном отношении к нашей земле, ко всем ее былинкам, к каждой ее слезинке, к каждой ее росинке.

В Новом Завете мы читаем о „великой тишине”, которую приносит Иисус Христос Своим ученикам, бывшим с Ним в лодке и утрашившимся „великого волнения на море”: „Тогда ученики Его, по-

дойдя к Нему, разбудили Его и сказали: Господи! спаси нас; погибаем. И говорит им: что вы так боязливы, малoverные? Потом, встав, запретил ветрам и морю, и сделалась великая тишина. Люди же, удивляясь, говорили: кто это, что и ветры и море повинуются Ему?” (Мф. 8, 26-27). (Курсив в тексте Святого Писания везде мой – Е. С.) Так Господь утишает стихию и приносит людям и миру освобождение от страха, покой, жизнь – „великую тишину”.

Но встречаем мы в тексте Нового Завета и прилагательное „тихий, тих”: „... Бог свидетель! Не ищем славы человеческой ни от вас, ни от других. Мы могли явиться с важностью, как Апостолы Христовы; но были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими” (1 Фес. 2, 5-7). „Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, (благочинен), честен, страннолюбив, учителен, не пьяница, не бийца, не сварлив, не корыстолюбив, но тих, (миролюбив)...” (1 Тим. 2, 2-3). „Напоминай им повиноваться и покоряться начальству и властям, быть готовыми на всякое доброе дело, никого не злословить, быть не сварливыми, но тихими, и оказывать всякую кротость во всем человекам” (Тит. 3, 1-2). „Итак, прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте; ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины” (1 Тим. 2, 1-4).

Употребляется в тексте Нового Завета и наречие „тихо”: „Умоляем же вас, братия, более преуспевать и усердно стараться о том, чтобы жить тихо, делать свое дело и работать своими собственными руками, как мы заповедовали вам...” (1 Фес. 4, 10-11).

Тишиной наполняется в Новом Завете существо самого человека, ею должен преисполниться он сам, его сердцевина. „Тихий” противопоставляется в тексте Священного Писания гордому („важному”), „сварливому”, „корыстолюбивому”, „бийце” и „пьянице”... „Тихий” в тексте Писания становится синонимом кроткому, смиренному, „миролюбивому”. А „тихая и безмятежная жизнь” становится залогом исполнения Божьей воли, залогом исполнения завета Любви.

Вероятно, глубоко закономерно, и эта закономерность не перестает удивлять, что в своих ранних поэтических циклах и Кароль Войтыла, и (в то время) князь Дмитрий Алексеевич Шаховской обраща-

ются к образу тишины, который становится одним из основополагающих образов создаваемой ими художественной реальности. Причем „призывание тишины” начнет звучать в их творчестве как бы в один и тот же возрастной период в системе жизненных координат каждого из них: Кароль Войтыла (р. 1920) пишет свой ранний поэтический цикл *Берега, полные тишины* в середине 1940-х годов, то есть после двадцати. Приблизительно в таком же возрасте кн. Шаховской (1902-1989) выпускает свой ранний стихотворный сборник *Песни без слов* в 1924 году⁴. К сожалению печатное пространство этих страниц ограничено, и у нас нет возможности подробнее остановиться на „сближениях” в развитии судеб двух духовных поэтов, отметим лишь одно – и Кароль Войтыла, и кн. Шаховской еще до принятия сана пытались ступить в своей жизни на чисто литературную стезю. Но судьба предназначала им иное.

В сборнике Шаховского *Песни без слов* стих поэта рождается в „небесной тишине”, рождается как бы вне его самого:

„Смотри, певец, как стравленные стрелы
На мне сплелись устами язв своих,
А я стою... и сладкий и несмелый
С небесной тишины ко мне слетает стих” (с. 17).

Уже в самом названии стихотворного цикла Шаховского обнажается неотступное желание поэта укрыться в освобождающей от слова тишине – певец как бы стремится к покрову поэтического безмолвия:

„Чистомудрый, Светлокроткий,
Посети в рыбачьей лодке
Прокаженного меня!

Я живу вдали от града;
Тихий плеск – моя награда,
Мой приют – молчанье дня.

Посети меня, скажи мне,
Разве нет в безмолвном гимне

⁴ К н. Д. А. Ш а х о в с к о й, *Песни без слов*. Издательство Русских писателей в Бельгии, Брюссель 1924.

Сотворенных слов, –

Разве светит не безмолвно
В людях – быстрый, в небе – ровный,
Тихий Свет Христов?” (с. 20).

Вот и сошлись воедино – „безмолвный гимн” и „сотворенное слово”, „тихий Свет Христов” и безмолвие, тишина. А слово как бы концентрируя свою энергию в себе самом, становясь безмолвным, таинственным образом превращается в с в е т. И невольно вспоминаются первые слова молитвы *Вечерняя песня Сыну Божьему*: „Свете тихий святых славы бессмертного Отца небесного, святого, блаженного, Иисусе Христе!”

О свойствах слова размышляет Кароль Войтыла в поэтическом цикле *Рождение последователей* (1961)⁵ в первой главе (Мысли епископа, совершающего таинство моропомазания в предгорной деревушке):

„Мир полон скрытых энергий,
и я дерзаю назвать их по имени.
Слова ведь не плоски – объемны: их наполняет порыв:
они не горный поток, по камням проносящийся мимо,
не мелькают, словно деревья, -
надо к ним присмотреться
– как к мошкаре сквозь оконное стекло...
И ощутить под поверхностью речи – дно, опору для стоп”. (с. 50)

Но от размышления над словом Кароль Войтыла переходит к „устройству” человеческой мысли, которая неизбежно превращается в с в е т, в свечение (причем поэтом используются даже научно-физические термины, органично вплетающиеся в художественную стихотворную ткань его произведения):

„Но не только доверие – мысль.
Мысль, что не в силах стать уже зрением
и переходит в выбор. Что выдает игра морщинок
– быть может, волю
к борьбе? По лицу пробегает что-то явственной тенью:
мерцает электрическое поле...”

⁵ К. В о й т ы л а, *Крипта: Избранная поэзия, 1939-1978*. Составил и перевел польского А. Б а з и л е в с к и й; Предисловие С. А в е р и н ц е в а. Москва: Вахазар 1994, с. 96, ил. – (Коллекция польской литературы).

Электричество – и факт и символ.

Вглядываюсь в сиянье глаз, в прозрачную рощицу ресниц:
то, что лежит на поверхности, сопряжено с потаенным,

-

и ничьим, ничьим взглядом не тронута их граница:

мысли подступают к глазам, как мошкара льнет к окну,

т и х и й с в е т м ы с л и – в з р а ч к а х , д е л а о с е д а ю т в о г л у б и н у ” . (с .

51)

Кароль Войтыла, как и Дмитрий Шаховской, остро чувствует невысказанность невыразимость всей полноты человеческого переживания, мысли, образа. Неслучайно в его поэтическом цикле 1952 года *Мысль – странное пространство* первая глава и посвящена этой силе сопротивления – „Мысли сопротивляются словам”:

„Бывает в разговоре нам открывается истина,

для которой у нас нет слов, жестов и знаков -

потому что мы чувствуем: н и к а к о е с л о в о , ж е с т и л и з н а к

не выразят весь образ,

и войти в него нам суждено в о д и н о ч е с т в е ,

чтоб сразиться с ним подобно Иакову” (с. 23)⁶.

Войти в образ бессловесным, в одиночестве – значит в тишине, прежде всего во внутренней тишине. И как и Шаховской в своем раннем цикле *Песни без слов*, Кароль Войтыла также призывает Тишину, Безмолвие – и в них Бога.

„Ты ведь – само Безмолвие, великая Тишина,

освободи же, сделай и меня безголосым,

лишь пронзи меня дрожью Своего Бытия

– дрожью ветра в спелых колосьях” (с. 19).

И возглас этот, исторгающийся из земного человеческого сердца, говорит о такой неизбежной жажде саморастворения в земном тварном мире, созданном Творцом. Символично, что в стихотворном

⁶ Перевод А. Базилевского, там же (см. вариант перевода этого же произведения в книге Е. Твердисловой – „Берега, полные тишины”).

макроцикле Кароля Войтылы *Песнь о Боге Сокрытом*⁷ за первой главой – *Берега, тишиною объятые* следует глава вторая – *Песнь о солнце неисчерпаемом* – песнь о свете излучаемом Творцом (вспомним, что одним из символов Иисуса Христа в средневековой традиции было Солнце):

„Солнце, к листу склоненное, – Твой взор, устремленный в душу, –
обогащает цветенье доброты глубиной,
все вбирая в свой луч,
но только, Мастер, послушай,
что будет с листом и солнцем? – вечер уже надо мной” (с. 20).

Что будет с каждой самой малой былинкой этого живого, светящегося, полного запахов и красок мира – этот вопрос волнует обоих духовных поэтов. Волнует также сильно и непосредственно, как может волновать только ребенка, младенца, впервые открывающегося на встречу теплу и свету земного дня, младенца, окруженного теплотой материнско-отцовского лона.

У Дм. Шаховского в сборнике *Удивительная земля* есть стихотворение, которое как бы обнажает таинственное младенчески любовное восприятие драгоценного света этого мира:

„От ночной спасен я нежити,
Скоро будут розы дня.
Века целого три четверти
Понесли уже меня.

И стихают шумы грозовы,
Лег на землю белый прах.
Я лежу младенцем розовым.
В чьих-то бережных руках” (с. 552).

Эти бережные руки несут человеку покой, свет, спасение дарует человеку их бережная колыбель.

И именно этой великой Родительской Любовью – Любовью Материнской пронизана вся поэма Кароля Войтылы *Мать* (1950), еще ожидающая своего перевода на русский язык:

⁷ Перевод этого названия в книге Е. Твердисловой – „Песнь о Боге Укрытом”.

„ ... Не минует
тишина далеких улочек, сохраненная в пространстве как стекло,
которое в чистых зрачках распалось на свет и синь -
Нет ничего дороже слов ребенка, в которых восходит эта тишина
„мама – мама”⁸.

В поэме Кароля Войтылы соединилось все – и первое мгновение прикосновения возлюбленной плоти Сына, восторг удивления Матери, который может передать только свет и тишина, молчание, предощущение великой тайны мира, родившейся из тепла и тишины Ее материнского лона.

„Сын мой, о Сын мой, трудный и великий, о Сын мой простой
Когда я носила Тебя в себе познал Ты наверное думы всех людей
на земле”⁹, – с этим возгласом боли, восторга и самого глубинного
любопытного понимания обращается Богоматерь в поэме Кароля
Войтылы к Спасителю.

О жертве Спасителя – и последнее стихотворение в сборнике
Избрание тишины Шаховскохо – Молчание креста:

„Бог принял человека,
Солнце впитало нашу тьму
И Слово стало молчанием.

Бог молчит,
Когда человек совершает грех.
Бог молчит,
Когда человек убивает человека.
Истина Божия
Показала весь путь,
Сказала все слова.
И мы теперь живем
В молчании Креста” (с. 55-56).

⁸ *Matka* в книге: К. В о j т y ł а, *Poezje i dramaty*, Kraków 1987, s. 36.

⁹ Там же, с. 38.

POKREWIEŃSTWA OBRAZOWE POEZJI KAROLA WOJTYŁY – JANA PAWŁA II
ORAZ TWÓRCZOŚCI POETYCKIEJ ARCYBISKUPA SAN FRANCISCO
– JANA SZACHOWSKIEGO

S t r e s z c z e n i e

Autorka, znawczyni literatury religijnej i krytyk literacki zajmujący się szczególnie problematyką światopoglądową dzieł literatury rosyjskiej, dokonuje zbliżenia i porównania spuścizny poetyckiej dwóch duchownych, hierarchy prawosławnego Cerkwi Rosyjskiej za granicą, bpa Szachowskiego z San-Francisco oraz Karola Wojtyły, obecnego papieża. Kolejno wydobywa i analizuje takie toposy wspólne dla obu twórców, jak kategoria i jej desygnat słowny „ciszy”, „światła”, „ojcowsstwa” i „macierzyństwa”, odnosząc je każdorazowo i porównując z odnośnymi miejscami źródła inspiracji obu twórców, Ewangelii oraz całej myśli teologicznej chrześcijaństwa.

Wersję ustną, referatową swojego opracowania autorka poprzedziła tekstem rozwiniętej jego tezy sformułowanej w języku angielskim, w którym zapowiedziała m.in., iż jej „Wołanie o ciszę” w postaci niezbyt obszernego referatowego wystąpienia jest jedynie częścią większego opracowania na tytułowy temat, pewnym niewielkim krokiem na drodze postępowania badawczego w zakresie danej problematyki tytułowej, że wreszcie podjęła tu próbę wyjaśnienia kilku jedynie aspektów tej kwestii, stąd do finału wysiłków na razie jest jeszcze daleko.

Streścił Ryszard Luźny